

Образуют ли артефакты категории?

М. И. Козлов

Определение таких предметов как кирпич, скамейка, виселица, флаг и т. п., – это проблема, потому что таких понятий в мышлении нет, но определение существует. Ведь, человек, как правило, безошибочно идентифицирует попавший на глаза предмет. Если определение предмета не является логическим определением (понятием), то что оно такое?

Прежде всего, необходимо обосновать утверждение о невозможности **логического** определения предмета. Статья содержит критику толкований названий предметов, засвидетельствованных в словарях. Доказывается фиктивность формулировок и, значит, отсутствие понятия предмета-артефакта. Обсуждая «приемы», благодаря которым в лексикографии все-таки воссоздается «понятие» предмета, мы пытаемся найти путь к **реальному** определению предмета. Ориентиром нам служит то, что имеется в виду **изобретенный** предмет, т. е. уже существующий (в каком-то виде) **до того**, как реально появился его первый экземпляр.

1. Понятие «категории» не универсально в обоих своих вариантах – традиционном, основанном только на общих свойствах членов категории, и современном, «эксперименталистском» (Лакофф), эксплицирующем еще и зависимость категории от процесса категоризации. Об этом говорит следующий пример:

Пусть имеется устройство, изготавливающее вещь, например, стулья. Традиционный подход к определению категориального значения слова стул будет собирать общие свойства вещей. Современный подход учтет, вдобавок к этому, особенности устройства, изготавливающего стулья. И одно, и другое проходит мимо существа дела, потому что стулья реально определяются работой этого устройства, которое, в свою очередь, определено мысленным «проектом ре-результата», предшествовавшим созданию устройства. Ни свойства стульев, ни особенности устройства, т. е. логические описания того или иного рода, не имеют непосредственного отношения к «проекту» (который определяет, одна-ко, любое логическое описание).

По аналогии с данным примером, тело «изготавливает» действия и артефакты, задавая их в соответствующих «проектах», и следовательно, делая невозможным их категориальное определение.

2. Логика языку не указ. Лингвистическая семантика недаром отстаивает «наивность» (=автономию) своих содержаний. Категориальный или «реальный» характер значения – вопрос для нее, независимо от логических соображений.

Поэтому, в данной работе рассматривается языковое значение названий артефактов в свете предыдущего рассуждения. Аргументы в пользу характера языкового значения извлекаются из конкретных толкований слов. Результат рассмотрения таков: значения названий артефактов должны определяться «реальными» определениями, поскольку толкования оказываются произвольными в той части, в какой они определяются как свойства категориальных вещей."

Психологически достоверное определение предмета-артефакта, такого как кирпич, скамейка, виселица, флаг и т. п., – это проблема, потому что в мышлении такого определения нет (нет понятия артефакта и, значит, нет его логического определения, т. е. согласованной совокупности истинных утверждений об артефакте), но тем не менее, определение существует, ведь, человек, как правило, безошибочно идентифицирует попавший на глаза артефакт. Если определения нет в мышлении, то где оно находится и какое оно?

Прежде всего, необходимо обосновать утверждение о невозможности **логического** определения артефакта. Для этого можно идти путем общих рассуждений. В самом деле, истинные утверждения об артефакте, например, о кирпиче (к.), принадлежат одной из трех групп. Одна группа (1) описывает изготовление предмета (*К. получается обжигом*). Другая группа (2) описывает использование предмета (*К. употребляется в строительстве*). Третья группа (3) описывает свойства, части и отношения между частями, выделяемые в предмете (*К. имеет форму параллелепипеда*). Ни одно из этих утверждений не относится именно к определяемому предмету: у (1) и (2) есть «свой предмет», а (3) вообще не фиксирует «предмет». Так, определяемый предмет возникает только **после** завершения изготовления, т. е. утверждения (1) к нему не относятся; их «предмет» заведомо **менее содержателен**, чем определяемый предмет. «Предмет» (2), напротив, **гораздо содержательнее** определяемого предмета, т. к. область применения артефакта, как правило, весьма обширна. Для осмысления утверждений из группы (3) надо вообще отказаться от представления о предмете, потому что отдельные свойства, части и отношения имеют смысл только **вне** его (в предмете невозможно помыслить «форму» без «материала», содержащегося в «форме», и всего прочего). И тем не менее очевидно, что процесс изготовления, процесс употребления, и организация артефакта должны играть важную роль в его определении.

В статье принят другой, более «практический» путь для доказательства отсутствия понятия артефакта: обсуждаются «приемы», благодаря которым в лексикографии каким-то образом воссоздается «понятие» артефакта, с целью нащупать пути к действительному определению артефакта. Ориентиром здесь может служить то, что артефакт **изобретен**, т. е. существовал в каком-то виде вне мышления, **до того**, как реализовался его первый экземпляр. Статья содержит критику толкований названий артефактов, засвидетельствованных в словарях. В результате доказывается фиктивность формулировок и, значит, отсутствие понятия артефакта. Следствия из этого рассмотрения для определения артефакта будут рассмотрены в следующей статье.

Толкования названий артефактов

1. Различия в формулировках словарных статей

Толкования однотипных слов в словаре нередко строятся по-разному. Существо различий требует выяснения.

Сравним для примера определения *виселицы*, *скамейки* и *флага* из [1]:

виселица = ‘два столба (или столб) с перекладиной – сооружение для смертной казни через повешение’;

скамейка = ‘приспособление для сидения нескольких человек в виде доски на стойках’;

флаг = ‘прикрепленное к древку или шнуру полотнище определенного цвета, часто с эмблемой’.

У *виселицы* толкование разделено на две части. Толкования *скамейки* и *флага* не разделяются. В определениях *виселицы* и *скамейки* указан процесс употребления соответствующих предметов (‘повешение’ и ‘сидение’ соответственно). Для определения

флага процесс употребления флага не играет роли. Разный статус в этих толкованиях имеют существительные, синтаксически подчиняющие элементы формулировки. В толковании *виселицы* одна часть подчинена конкретному понятию ‘два столба’, другая – «общему» понятию ‘сооружение’. Элементы толкования *скамейки* подчиняются «общему» понятию ‘приспособление’, а элементы толкования *флага* – «конкретному» понятию ‘полотнище’, и т. п.

Трудно остановить выбор на какой-то из вариантов толкования. Все они кажутся приемлемыми. Тем более, что по образцу *флага* можно переформулировать *виселицу* (для этого достаточно убрать вторую часть толкования) и *скамейку*, по образцу *скамейки* можно переформулировать *виселицу*, а по образцу *виселицы* – *скамейку* (т. е. дать, например, такое толкование *скамейки*: ‘доска на стойках – приспособление для сидения нескольких человек’). Разные варианты толкования одного и того же слова (например, *виселицы* из [1] и переформулировок *виселицы* по образцу *скамейки* или *флага*) вполне согласуются с языковой интуицией. В то же время видно, что отмеченные различия связаны, в основном, с изменением существительного, которое синтаксически подчиняет элементы толкования и всегда обозначает определяемый предмет или его *genus proximum*. Произвол в выборе слова для такой значимой позиции в структуре толкования кажется недопустимым.

Можно наблюдать подобные различия между толкованиями одних и тех же слов в разных словарях. Сравним, например, несколько определений *виселицы*:

виселица = ‘столб либо два с перекладиной, для казни вешаемых преступников’ (см. статью *висеть* в [2]);

виселица = ‘устройство для повешения – укрепленная на столбе <столбах> перекладина, с которой свешивается веревка с петлей’ ([3]).

Запятая в определении из [2] показывает, видимо, что компонент ‘для казни вешаемых преступников’ не подчиняется ‘столбу’. Но компонент ‘для казни вешаемых преступников’ не является самостоятельным толкованием, т. к. им нельзя заменить слово *виселица* в тексте. Т. о. отношение данного компонента к *виселице* в [2] не эксплицировано, в отличие от толкований этого слова из [1] и из [3]. Первый компонент толкований из [1] и [2] подчиняется «конкретному» понятию ‘столб (столбы)’, а соответствующий компонент толкования из [3] синтаксически подчинен ‘перекладине’. В толкованиях из [1] и [2] отсутствуют «глагольные» элементы, а в толковании из [3] они есть. И т. п.

Сравним еще несколько толкований слова *кирпич*:

кирпич = ‘брусочек из обожженной глины, употребляемый для построек’ ([1]);

кирпич = ‘деланный камень, брусочек, сбитый из глины и обожженный, для стройки’ ([2]);

кирпич = ‘параллелепипед среднего размера и веса [т.е. такой, что можно с трудом удержать в одной руке] – там же; М.К], сформованный из минеральных веществ и обожженный или обработанный паром, тёмнокрасного или реже серого цвета; предназначается для использования в качестве строительного материала’ ([3]).

Толкование из [1] является цельным высказыванием. Толкование из [2] распадается на три части. Первая и вторая части (‘деланный камень’ и ‘брусочек, сбитый из глины и обожженный’) могут заменять слово *кирпич* в тексте, а третья часть (‘для стройки’) – нет. Компонент ‘для стройки’ не имеет подчиняющего элемента в формулировке. Толкование из [3] разделено на две части – до точки с запятой и после нее. Первая часть может замещать слово *кирпич* в тексте, а вторая – нет. Существо этих различий тоже нуждается в выяснении.

Отмеченные различия носят массовый характер. В работе обсуждаются только толкования из [1–3]. Практически в том же виде, большинство различий обнаруживаются в Академических словарях русского языка (4-томном и 17-томном). Но мне не удалось найти в них ни одного случая разделения толкования на части.

2. «Типы» вариантов формулировок толкований

В этом пункте рассмотрены (засвидетельствованные в толковых словарях) основные «типы» вариантов толкования слова, называющего артефакт. «Тип» варианта связан с существительным, синтаксически подчиняющим элементы формулировки. (Как видно из примеров, таких существительных у толкования может быть несколько. Каждое из них определяет «тип» варианта.)

Ниже я нередко апеллирую к собственным переформулировкам данных вариантов. По-видимому, они могут встретить возражения читателя, опирающегося на свою языковую интуицию. Я считаю возможным использовать переформулировку, если она следует образцу какой-л. из имеющихся в словаре формулировок, т. е. допустима в современной лексикографической практике (могла бы когда-л. встретиться в словаре).

2.1.

Варианты толкования можно получить, меняя порядок синтаксического подчинения элементов в формулировке.

Синтаксическое подчинение показывает, какому именно предмету принадлежат свойства, перечисленные в формулировке. Например, подчинение 'обожженной глины' 'бруску' (в компоненте 'брусек из обожженной глины'; см. определение *кирпича* из [1]) говорит о том, что 'обожженная глина' – это свойство (материал), а 'брусек' – предмет, имеющий данное свойство. Если изменить порядок подчинения и подчинить 'брусек' 'обожженной глине' (т. е. так сформулировать этот компонент: 'обожженная глина в виде бруска'), 'брусек' должен осмысливаться как свойство (форма, 'параллелепипед'; см. определение *кирпича* из [3]), а 'обожженная глина' – как предмет с данным свойством. И один, и другой вариант толкования являются, на наш взгляд, приемлемыми и могли бы встретиться в словаре.

На самом деле, любой порядок соподчинения свойств в формулировке – материала предмету (со свойством «форма») или формы предмету (со свойством «материал») – не отвечает сути определяемого значения. В этом значении каждое из свойств непосредственно принадлежит определяемому предмету, кирпичу, и вовсе не соотносится с другим свойством. Поэтому то, что в определении из [1] материал подчинен 'бруску', не отражает какую-л. характеристику толкуемого значения. Такой порядок подчинения довольно случаен и может быть заменен на другой, тоже не необходимый. Приведем несколько примеров.

В [3] так определяется

сосуд = 'изделие, предназначенное для содержания жидкостей, а также сыпучих тел или газов – полость и окружающая ее оболочка, изготовленная из твердого и непроницаемого для жидкости материала, небольшого – обычно меньше человеческого тела – размера и обычно округлой формы'.

Здесь перечислены такие свойства *сосуда*: материал ('твердый и непроницаемый для жидкости'), размер ('небольшой'), форма ('обычно округлая'). Эти свойства синтаксически подчинены '[окружающей полость] оболочке'. Однако, такой порядок подчинения не связан с существом определяемого значения. Элементы формулировки (практически, с той же степенью стилистической шероховатости, что и в определении из [3]) можно переподчинить, по образцу приводимого ниже определения *чайника* из [3], форме предмета (например, '... округлая форма из твердого и непроницаемого для жидкости материала с полостью ...') или, по образцу приводимого ниже определения *очков* из [3], 'твердому и непроницаемому для жидкости материалу'. Но любой фиксированный порядок соподчинения элементов формулировки может быть оспорен, т.к. на самом деле речь должна идти о вполне определенных **свойствах** предмета, называемого *сосудом* – материале, размере, форме и т. д., – но не о **предметах** с этими свойствами.

Другой пример. В [3] так определяется

чайник = ‘сосуд, предназначенный для кипячения воды для чая или для заваривания чая или для подачи чая на стол – обычно полая [полу]сфера или цилиндр из металла или фарфора <фаянса, керамики> с ручкой, крышкой и носиком’.

Здесь свойство материал (‘металл или фарфор ...’) подчинено форме (‘[полу]сфера или цилиндр’). Но это не обязательно. Можно, видимо, изменить порядок подчинения и подчинить ‘[полу]сферу или цилиндр’ материалу (в формулировке такого типа: ‘... металл или фарфор ... в форме [полу] сферы или цилиндра ...’). На самом деле, и материал, и форма – это свойства предмета с названием чайник и подчинению этих свойств друг другу в соответствующих формулировках ничто не отвечает в определяемом содержании.

Рассмотрим еще один пример. В [3] так определяются

очки = ‘устройство, являющееся оптическим прибором и применяемое для компенсации недостатков зрения или для защиты глаз – прозрачный материал, преимущественно в виде двух соединенных пластин, устанавливаемый перед глазами для того, чтобы смотреть сквозь него, посредством прикрепления к голове за плоскостью лица (обычно к ушам, иногда к затылку и т. п.)’.

Вторая часть толкования подчинена ‘прозрачному материалу’, но могла бы подчиняться ‘пластинам’, т. е. форме этого материала. На самом деле ясно, что речь идет о двух, вполне независимых свойствах линз очков – «прозрачности» и «плоскостности» – и соподчинение этих свойств друг другу (в любом порядке) не отражает каких-л. существенных черт определяемого значения.

2.2.

Если в толковании перечислены несколько составных частей определяемого предмета, порядок подчинения названий этих частей друг другу фиксирует «главную» часть предмета, т. е. такую его часть, по отношению к которой определяются остальные части предмета. Меняя в формулировке «главную» часть, можно получать разные варианты исходной формулировки.

Например, «главной» частью *виселицы* в определении из [3] является ‘перекладина’ (‘... укрепленная на столбе <столбах> перекладина, с которой свешивается веревка с петлей’), другие части – ‘столб’, ‘веревка’/’петля’ – определены в отношении к ‘перекладине’. С нее ‘свешивается веревка с петлей’ и она ‘укреплена на столбе’. Получается, что, говоря о *виселице*, мы как бы фиксируем внимание на ‘перекладине’ и конструируем свое представление предмета, присоединяя к ‘перекладине’ другие его части. Однако, в других определениях *виселица* (см. определения из [1] и [2]) «главной» частью оказывается ‘столб’, а не ‘перекладина’. Нетрудно переформулировать определение и так, чтобы «главной» частью стала ‘веревка с петлей’ (например, ‘веревка с петлей, привязанная к укрепленной на столбе перекладине’).

Дело, видимо, не в последовательности соединения частей предмета. Эти части связаны не отношением **друг к другу**, а отношением **к одному и тому же предмету**, к *виселице*. В составе *виселицы* они вполне равноправны. Любой фиксированный порядок подчинения частей в определении случаен и может быть изменен на другой, тоже не необходимый.

Приведем еще два примера.

В определении *чайника* в [3] перечислены такие части: ‘[полу]сфера или цилиндр’, ‘ручка’/’крышка’, ‘носик’ (‘...[полу]сфера или цилиндр ... с ручкой, крышкой и носиком’). Здесь «главной» частью является ‘[полу]сфера или цилиндр’, которой подчинены другие части *чайника*. Но вряд ли с языковой интуицией будет сильно расходиться формулировка с противоположным порядком подчинения: ‘ручка, крышка и носик, укрепленные на [полу]сфере или цилиндре’.

Согласно [1],

очки = 'оптический прибор из двух линз или стекол, держащихся на дужках или вмонтированных в прилегающую к лицу полумаску'.

Здесь «главной» частью являются 'линзы или стекла'. Но, по-видимому, вполне приемлема конструкция с иным порядком подчинения (типа 'дужки со стеклами'). И 'дужки', и 'стекла' являются необходимыми элементами *очков*. Но их соподчинение в составе определения из [1] не отражает какую-либо существенную черту определяемого предмета.

Если и есть соображения в пользу определенного отношения между частями предмета в его описании (например, что «главная» часть *виселицы* это 'столб', а *чайника* – '[полу]сфера или цилиндр'), они явно экстралингвистического происхождения. Выделение той или иной «главной» части может быть связано, например, с тем, что конструирование соответствующих **предметов** начинается обычно именно с этих частей. Но для конструирования **понятия** «виселица» или **понятия** «чайник» это соображение не может играть роли.

2.3.

Есть и другие аргументы против соподчинения частей предмета в его определении. Для определения предмета задание отношения между его частями оказывается несущественным. Об этом, видимо, свидетельствует проблематичность связи с толкуемым значением предикатов, называющих эти отношения в толковании¹. Обратимся к конкретным примерам. В толковании *виселицы* в [3] отношения между частями предмета определены так.

Отношение между 'столбом' и 'перекладиной' называется словом 'укрепленная', между 'веревкой' и 'перекладиной' – словом 'свешивается', между 'веревкой' и 'петлей' – словом 'с'. Очевидно, что слово 'с' не дает никакого представления о характере отношения, существующего между веревкой и петлей в составе виселицы. Для правильного называния *виселицы* не требуется также, чтобы 'веревка' обязательно 'свешивалась' с 'перекладины'. Есть также очень много возможностей так 'укрепить перекладину на столбе', что соответствующую конструкцию никто не назовет *виселицей*. Т. е., если полагаться на такое определение *виселицы*, возможны случаи некорректной номинации.

В толковании *очков* в [1] отношение между 'линзами или стеклами' и 'дужками' называется словом 'держатся'. Оно ничего не говорит о действительном характере отношения между двумя частями *очков* и, значит, плохо служит корректной номинации предмета. Во всяком случае, слова 'держатся' (из определения *очков*) и 'укрепленная' (из определения *виселицы*) можно заменить в соответствующих определениях друг на друга, хотя эти отношения в *виселице* и в *очках* имеют, на наш взгляд, разный характер. В толковании *чайника* в [3] отношение между '[полу]сферой или цилиндром' и другими частями ('ручка', 'крышка', 'носик') называется словом 'с'. Очевидно, что такому определению будут удовлетворять разнообразные конструкции (с 'носиком' внизу, с 'крышкой' сбоку и т. п.), которые никто не назовет *чайником*. И т. д.

¹ Использование предикатов в семантическом разложении предмета вызывает следующее возражение общего характера. Семантическое описание предикатов до сих пор связано с серьезными трудностями (см. обсуждение проблемы во введении в [4]; также наши замечания к фазовой модели [5]). В [6], например, количество компонентов в описании значения предиката по существу не ограничивается. Это, во всяком случае, говорит о большей «семантической сложности» предикатов в сравнении с предметными значениями, т. е. о «незаконности» их использования в семантическом разложении предмета.

2.4.

По отношению к определяемому предмету элементы толкования можно разделить на две группы. Элементы из одной группы непосредственно относятся к данному предмету. Элементы из другой группы относятся не к предмету, а к процессу его изготовления или к процессу его употребления. По-разному соединяя в формулировке эти две группы, можно получить четыре варианта толкования, широко представленные в словарных статьях.

Вариант I. Обе группы соединены в единой формулировке, причем в качестве вершины используется «конкретное» понятие. Так определяется, например, в [1],

кирпич = 'брусочек из обожженной глины, употребляемый для построек'.

Здесь 'брусочек' и 'обожженная глина' непосредственно относятся к предмету (кирпичу), а 'постройка' – к процессу, в котором этот предмет только участвует. Так же определяется в [3]

грифельная доска = 'небольшая доска или пластина из аспидного сланца, предназначенная для того, чтобы пишущий делал на ней для себя временные, сменяющиеся одна другую, записи грифелем'.

С таким объединением этих двух групп связана следующая трудность. Процессы употребления или изготовления могут относиться только ко всему предмету в целом. Они не могут подчиняться части предмета или его свойству. 'Для построек' употребляется, конечно, не 'брусочек' (т. е. определенная форма предмета), а весь предмет, кирпич во всей полноте своих свойств. 'Для ... записи грифелем' тоже используется не 'доска', а именно грифельная доска, т. е. весь определяемый предмет. Компоненты, относящиеся к процессу изготовления кирпича, в определении из [3] подчиняются слову 'параллелепипед'. Это вызывает затруднения при осмыслении данного толкования, т. к. не 'параллелепипед' 'обжигается или обрабатывается паром', а кирпич или его полуфабрикат. Также, не 'параллелепипед' (т. е. определенную форму) 'можно с трудом удержать в одной руке'. Здесь речь идет, конечно, о кирпиче в целом. И т. п.

Поэтому, наряду с вариантом I, в словарях широко используются другие варианты объединения этих двух групп в толкование.

Вариант II. Обе группы соединены общей формулировкой, синтаксически подчиняющейся «общему» понятию. Например, *печка* в [3] определяется как 'устройство для обогрева помещения [...], имеющее закрытое вместилище, внутри которого происходит тепловыделяющий процесс [...]'. См. также толкование *скамейки* из [1].

Вариант III. Элементы в толковании разделены на две группы, причем группа, относящаяся к процессу, не имеет подчиняющего существительного. Так определяется, например, *кирпич* в [2]: '... брусочек, сбитый из глины и обожженный, для стройки'. Такое разделение обозначает, что компонент 'для стройки' по существу относится к *кирпичу*, а не к 'бруску'. Так же разделено в [3] определение

кирпич = 'параллелепипед среднего размера и веса [т. е. 'такой, что можно с трудом удержать в одной руке'], сформованный из минеральных веществ и обожженный или обработанный паром, тёмнокрасного или реже серого цвета; предназначается для использования в качестве строительного материала'.

Здесь точкой с запятой отделен компонент, относящийся к процессу использования *кирпича* (в противном случае, его пришлось бы подчинить 'параллелепипеду'; см. замечание к варианту I).

У группы элементов, относящейся к процессу использования предмета, в формулировке нет подчиняющего существительного. С другой стороны, отделенный компонент нельзя подставить в текст вместо определяемого слова. Т. е., сам по себе, он не является толкованием.

Для преодоления этой трудности, в других вариантах толкования, отделенный компонент подчиняется «общему» понятию, под которое подводится определяемый предмет.

Вариант IV. Элементы в толковании разделены на две группы. Одна группа подчинена «общему» понятию, другая – «конкретному» понятию. Например, *лыжи* определены в [3] как *лыжи* = ‘приспособление для автономного перемещения по снегу – пара плоских полозьев, обычно с сужающимися и загнутыми вверх передними концами’.

Первая часть толкования подчинена «общему» понятию ‘приспособление’, а вторая – «конкретному» понятию ‘пара полозьев’. (Ср. с определением из [1], построенным по образцу варианта I: ‘плоские деревянные полозья для хождения по снегу’.) По этому типу определяется *виселица* в [1] и [3], *сосуд, чайник, очки* в [3] и др.

Любое толкование, содержащее обе группы элементов (относящихся или непосредственно к предмету, или к процессу, в котором участвует этот предмет), может приводиться в словаре в одном из перечисленных вариантов.

3. «Опредмеченные» свойства

Нам кажется, нет веских оснований для того, чтобы предпочесть какую-то из приведенных форм толкования другим формулировкам. Напротив, есть возражение против того, чтобы считать существенными отличия этих форм друг от друга. А именно, любое существительное, синтаксически подчиняющее элементы формулировки (все элементы или только какую-то их часть), всегда привносит в значение толкования больше, чем есть на самом деле в толкуемом значении. Такое существительное приходится трактовать как название предмета (отношение которого к определяемому предмету проблематично) тогда как в толкуемом значении ему отвечает лишь единственное свойство определяемого предмета.

3.1.

Сравним, например, значение выражения ‘брусок из глины’ и значение слова *кирпич*. В этом выражении речь идет о предмете (бруске), изготовленном из определенного материала (из глины).

‘Брусок’ здесь не свойство (форма), а предмет со всей возможной совокупностью свойств (формы, веса, цвета, фактуры, твердости и т. п.). В ‘бруске’ эксплицировано определенное значение только одного из этих свойств – формы (‘параллелепипед’). Но это совсем не значит, что у ‘бруска’ нет других свойств. Они есть, но не имеют определенного значения. С другой стороны очевидно, что, определяя *кирпич*, мы имели в виду только два его свойства – форму и материал. Никакие другие (неопределенные) свойства бруска нас не интересуют. Тем не менее, они попали в толкование, но только для связности формулировки, т. е. из-за того, что одно из свойств кирпича (вполне произвольно) было подчинено другому свойству, а «подчиняющее» свойство неизбежно приходится осмысливать как предмет. ‘Брусок’ в значении предмета выходит за пределы толкуемого значения слова *кирпич* во всем, кроме единственного своего свойства – формы. Остальные свойства ‘бруска’, попросту, «лишние» в определении *кирпича*.

При чтении толкования эта некорректность не бросается в глаза, потому что все «лишние» свойства ‘бруска’ неопределенны. Однако, именно к ним обращены компоненты толкования, подчиненные данному предмету. Так, подчинение ‘бруску’ компонента ‘из глины’ возможно лишь потому, что у ‘бруска’ предполагается соответствующее свойство. Точно так же, подчиняя ‘бруску’ компонент ‘употребляется для постройки’, мы, фактически, неявно приписываем ‘бруску’ все свойства строительного материала, т. е. не только соответствующую форму, но и прочность, вес, размер и т. п. Значения этих свойств довольно неопределенны.

Но лишь предположение, что все они, в совокупности, входят в понятие 'брусок', дает право подчинить ему компонент 'употребляется для построек'. Т. о. возможность «связной» формулировки обусловлена наличием в ней «лишних» (по отношению к определяемому значению) свойств.

Чем эксплицитнее толкование, тем обширнее «лишняя» часть предметного значения, вовлекаемая в осмысление. Так, в определении *кирпича* в [3] 'параллелепипед' имеет 'средний размер и вес' (т. е. его можно 'с трудом удержать в одной руке'), он 'сформован из минерального сырья', 'обожжен или обработан паром' и имеет 'красный или серый цвет'. 'Параллелепипед', т. е. всего лишь определенную форму, читатель должен представлять себе как нечто, имеющее вес, размер, цвет, подвергаемое какой-то обработке и т. п. Однако, в любом толковании обычно есть несколько свойств, которые могут осмысливаться в предметном значении. Поэтому «лишняя» часть предметного значения должна быть по существу одной и той же во всех таких случаях.

Т. о. существительное, подчиняющее элементы толкования, имеет специфическое предметное значение: в нем ясно различается единственное свойство предмета; обо всех же остальных свойствах можно сказать только, что они есть. Для читателя толкования эти свойства остаются совершенно не проясненными, недифференцированными, совпадающими у самых разных предметных значений (например, таких как 'брусок', 'глина' и 'строительный материал' в толковании *кирпича*, 'изделие', 'оболочка', 'материал' и 'форма' в толковании *сосуда*, 'оптический прибор', 'материал', 'пластины' в толковании *очков* и т. п.). Только в этом случае выход за пределы определяемого значения при предметном осмыслении свойства не причинит вреда. (Чем больше семантика слова способствует такому осмыслению, тем пригоднее это слово для использования в толковании в предметном значении; см. следующий пункт.) Такое специфическое осмысление некоторых слов в толковании будем называть «опредмечиванием» свойства.

3.2.

Нетрудно очертить контуры класса слов естественного языка, наиболее предпочтительных для использования в семантических описаниях предметной лексики (в роли «опредмеченного» свойства).

Так, названия **свойств** *форма* и *материал* часто употребляются в качестве названия **предметов**, в которых эти свойства привлекли внимание: *хороший материал* (о ткани), *какие формы!* и т. п. В определении *пиломатериалов* в [3] ('материалы, получаемые в результате продольного распиливания бревен ...' и т. д.) слово 'материалы' обозначает, конечно, предмет с единственным свойством 'служить материалом для производства чего-л.', иначе их нельзя было бы 'получить распиливанием'.

Названия определенных **форм** предмета – *параллелепипед*, *пирамида*, *шар*, *куб* и т. п. – часто употребляются как название **предметов** такой формы, так же как и названия определенного материала (*глина*, *камень*, *стекло*, *гипс*, *земля* и т. п.). Эти «опредмеченные» свойства широко представлены в словарных статьях.

В языке целый ряд существительных выражает свойство «про-странственность», т. е. свойство 'занимать некоторую часть трехмерного пространства'. Это – *емкость*, *вместилище*, *полость*, *пространство*, *объем*, *помещение* и др. (Понятно, почему эти слова нередко используются в толковании для подчинения им других свойств определяемых предметов.)

Часто в словарных статьях для называния «общего» понятия используется «опредмеченное» свойство «артефактность», т. е. свойство 'иметь искусственное происхождение и функцию'. Оно обозначается словами *сооружение*, *устройство*, *приспособление*, *средство*, *механизм*,

изделие, снаряд (у В. И. Даля), *аппарат, прибор* и др.² О близости значения этих слов ясно говорит логический круг, образуемый соответствующими толкованиями, например, в [1]. Так, *устройство* определяется через ‘сооружение’, ‘механизм’, ‘машину’, ‘прибор’; *прибор* через ‘устройство’, ‘приспособление’, ‘аппарат’; *приспособление* через ‘устройство’, ‘прибор’, ‘механизм’ и т. п.

Общей особенностью перечисленных в этом пункте слов является то, что, хотя они и обозначают предмет (т. е. нечто заведомо большее, чем единственное свойство), но эксплицироваться в этом предмете может только одно его свойство. Прояснение остального содержания слова невозможно и нежелательно, ибо только затруднит понимание сказанного.

4. «Базисное» толкование артефакта

Существительному, которое подчиняет другие элементы толкования (будь это существительное «общим» или «конкретным» понятием), в толкуемом значении соответствует только одно определенное свойство и ничего больше³. Соподчинение элементов в описании (с помощью «опредмечивания» этого свойства) не имеет отношения к существу толкуемого значения. Т. е. толкованию соответствует только определенная совокупность свойств определяемого предмета, не связанных между собой. В конкретных формулировках одно из этих свойств искусственно превращается в предмет, «опредмечивается» для того, чтобы подчинить ему остальные свойства, т. е. получить связанное выражение. Результатом «опредмечивания» разных свойств являются разные варианты описания одного и того же значения.

Этот вывод, однако, не может никого удовлетворить. Лексическое значение, несомненно, является определенным единством. И если один способ представления такого единства оказался ложным, надо искать другую возможность для объединения элементов в семантическом описании.

Литература

1. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. 1986.
2. В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка (тт. 1–4). 1978.
3. И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. (Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики). 1984.
4. Семантические типы предикатов. 1982.
5. М.И. Козлов, Б.И. Пружинин. Замечания к фазовой модели движения в лингвистической семантике. ИРЯ АН СССР. Предварительные публикации проблемной группы по экспер. и прикл. лингвистике. Вып. 176, 1987.
6. М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. 1982.

² Отметим наиболее удачное, на наш взгляд, выражение этого свойства в [2] в определении *кирпича*: ‘деланный камень...’. Здесь явно избегается «опредмечивание» того, что на самом деле только свойство.

³ «Общие» понятия, которым трудно сопоставить какое-л. определенное свойство толкуемого значения (например, понятия ‘нечто’ или ‘предмет’) обычно могут быть отвергнуты ссылкой на принцип *genus proximum* – как заведомо не «ближайшие» к определяемому предмету.